

*Вакцина против
Бога*

Юлия Буренина

Юлия Буренина

Вакцина против Бога

«Автор»

2026

Буренина Ю.

Вакцина против Бога / Ю. Буренина — «Автор», 2026

Тайна, которую хранил Петербург более ста лет. Врач-биохимик Елена Верещагина находит следы формулы бессмертия, созданной её прабабушкой в 1893 году. Но корпорация «Aeterna» уже выпускает препарат «Хронос», дарующий вечную молодость ценой человеческой души. Сможет ли Елена разгадать шифр, спрятанный в стенах Эрмитажа и Петропавловской крепости, прежде чем мир превратится в стаю идеальных, но пустых биороботов? Интеллектуальный триллер.

© Буренина Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Юлия Буренина

Вакцина против Бога

Пролог

Янтарь и пепел

14 октября 1893 года. Петербург. Усадьба Верещагиных на Садовой улице.

Она стояла у окна, глядя, как Невка тащит свои тёмные воды к заливу. Дождь барабанил по стеклу, размывая огни фонарей в золотые кляксы. В руках она держала пробирку с жидкостью цвета застывшего янтаря.

Елизавета Николаевна Верещагина знала: она держит в руках невозможное.

Клетки под микроскопом переставали стареть. Они замирали, словно мухи в смоле, сохраняя структуру навечно. Это было то, о чём мечтали алхимики всех времён. То, что искал Парацельс в своих лабораториях. То, над чем бился Ломоносов, пытаясь разгадать тайну материи.

И то, чего она боялась больше всего на свете.

За спиной скрипнула дверь. Она не обернулась. Знает эти шаги — тяжёлые, уверенные, принадлежащие человеку, привыкшему, что мир прогибается под него. Виктору Александровичу Верещагину, её мужу, владельцу текстильных мануфактур, человеку, чьё имя знали на всех биржах Европы.

— Опять возишься со своими склянками, — голос Виктора ровный, но в нём сквозит презрение, которое он даже не пытается скрыть. — Соседи говорят, от твоей лаборатории пахнет серой. Как от дьявольского логова.

— Это не сера, Виктор. Это эфирные масла. И результаты... — она осеклась.

— Какие результаты? — он подошёл ближе. Она почувствовала запах его одеколона — тяжёлый, мускусный, с нотами сандала и табака. — Опять тратишь мои деньги на женские фантазии?

Елизавета сжала пробирку в кулаке. Стекло впилось в ладонь.

— Это не фантазии. Это... — она не могла произнести это слово. Бессмертие. Оно звучало слишком громко, слишком опасно в этом доме, где даже стены слушали. — Это открытие, которое может изменить мир.

Виктор рассмеялся. Смех короткий, сухой, как треск ломаемой ветки.

— Мир меняют мужчины, Лиза. Мужчины с заводами, с армией, с капиталом. А не женщины с пробирками.

Он протянул руку.

— Дай мне это.

Она отступила на шаг. Потом ещё один. Спина уперлась в холодное стекло окна.

— Нет.

В его глазах что-то изменилось. Тёплый, насмешливый свет погас, уступив место чему-то тёмному, расчётливому. Как у хищника, понявшего, что добыча не сдастся добровольно.

— Ты забыла, кому принадлежит этот дом? Кому принадлежат эти стены, этот воздух, эта пробирка в твоей руке?

— Это принадлежит науке, — прошептала она. — Не тебе.

Виктор шагнул вперёд.

В этот момент она поняла: он не остановится. Никогда. Он заберёт её открытие, извратит его, превратит в оружие. Потому что для него всё было оружием. Даже любовь. Даже жизнь.

Елизавета сделала то, о чём потом жалела всю оставшуюся жизнь.

Она разжала пальцы.

Пробирка упала на каменный пол и разбилась. Янтарная жидкость растеклась по плиткам, впитываясь в швы, оставляя после себя лишь слабый запах роз.

Виктор застыл. Его лицо исказила гримаса ярости.

— Ты... ты уничтожила...

— Я спасла это от тебя, — сказала она, и голос её не дрогнул. — Ты не готов, Виктор. Никто не готов.

Он схватил её за запястье. Сильно. До боли.

— Ты пожалеешь об этом, Лиза. Ты пожалеешь.

Но она уже знала, что пожалеет не об этом. Она пожалеет о том, что не успела спрятать всё. О том, что оставила записи. О том, что доверилась людям, которые не понимали: бессмертие без любви — это не дар, а проклятие.

В этот момент дверь лаборатории приоткрылась, и в щель проскользнула фигура молодого человека. Это был Иларион — бывший семинарист, потерявший веру после смерти матери, но нашедший пристанище в доме Верещагиных как библиотекарь и помощник по хозяйству. Ему было двадцать пять, но глаза его казались старыми, словно он видел слишком много горя.

Он стоял неподвижно, затаив дыхание, наблюдая за сценой, которая изменит его судьбу навсегда.

Когда Виктор наконец отпустил жену и вышел, хлопнув дверью, Иларион шагнул в комнату.

— Елизавета Николаевна... — его голос дрожал. — Что я могу сделать?

Она посмотрела на него. В его глазах она увидела не страх, а понимание. И что-то ещё — преданность, которая пугала её больше, чем гнев мужа.

— Иларион, — сказала она тихо. — Ты должен уйти. Забыть всё, что видел сегодня. Уехать из Петербурга. Начать новую жизнь.

— Я не могу, — покачал он головой. — Я знаю, что вы сделали. Я знаю, что это значит.

— Ты не понимаешь, — перебила она. — Это не дар. Это проклятие. Виктор найдёт способ воспроизвести формулу. Он уже ищет записи. И когда найдёт...

Она замолчала, глядя в окно. Невка почернела, вздулась, словно готовилась поглотить город.

— Есть ещё одна пробирка, — продолжила она. — В подвале. За тайной дверью. Та, что я не успела уничтожить. Она... нестабильна. Если Виктор найдёт её, он использует её неправильно.

— Что мне делать?

— Уничтожь её. Или спрячь так, чтобы никто не нашёл. Даже ты сам.

Иларион кивнул. Но они оба знали: он не сможет уничтожить. Потому что в его глазах горел тот же огонь, что и в её. Огонь любопытства. Огонь, который однажды сожжёт их обоих.

Наши дни. Санкт-Петербург. Квартира на Васильевском острове.

Елена Верещагина проснулась от собственного крика.

Сердце забилося где-то в горле. Простыня под пальцами была мокрой от пота. За окном, за тяжёлыми шторами, уже светало — петербургское рассветное небо, бледное, как лицо утопленника.

— Лен? — голос Алексея, сонный, тревожный. — Тебе что-то приснилось?

Она не ответила. Не могла. Потому что видение было слишком ярким. Слишком реальным.

Она видела мост. Тёмную воду. Молодые руки с чернильными пятнами. И мужчину с холодными глазами, который говорил: «Ты пожалеешь об этом, Лиза».

А ещё — молодого человека с испуганными глазами. Илариона. Она не знала, кто он, но чувствовала: он важен. Он — ключ.

Елена села на кровати, обхватив колени руками. Дрожа.

— Это не сон, Лёша, — прошептала она. — Это воспоминание.

— Какое воспоминание? — он сел рядом, обнял за плечи. От него пахло сном и тем самым сандалом, который она так любила.

— Из прошлой жизни.

Алексей замер. Потом тихо рассмеялся — не насмешливо, а растерянно.

— Лен, ты же учёный. Ты же не веришь в...

— Я не верила, — перебила она. — Пока это не начало повторяться каждую ночь.

Она повернулась к нему. В его глазах она увидела отражение собственной тревоги. И поняла: то, что началось сегодня ночью, изменит всё. Их жизнь. Их любовь. Их представление о том, что значит быть человеком.

— Мне нужно к кому-то обратиться, — сказала она. — К специалисту по регрессии.

— Ты серьёзно?

— Никогда в жизни.

Но она лгала. Потому что где-то в глубине души, там, куда не дотягивался рациональный ум, она уже знала: это только начало.

И что пробирка с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.